

Сырок. История моей жизни и бизнеса

Автор:

Борис Александров

Сырок. История моей жизни и бизнеса

Борис Ю. Александров

МИФ Бизнес

Это история о том, как копеечный продукт стал основой серьезного бизнеса. А еще это биография деятельного человека, отсидевшего за частное предпринимательство в советских лагерях, а затем построившего собственные бренды «Ростагроэкспорт» и «Б. Ю. Александров».

Борис Александров рассказывает о советском предпринимательстве, коммерции в годы перестройки, особенностях бизнеса в новой России. Делится воспоминаниями из личной жизни и дает советы, как стать успешным и счастливым человеком.

Борис Александров

Сырок. История моей жизни и бизнеса

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Текст и иллюстрации. Б. Ю. Александров, 2020

* * *

Моему внуку Саше

Предисловие. Счастье

Сажусь в самолет и лечу к внуку. Он у меня наполовину француз, живет в Монако. Пока еще маленький, серьезные разговоры с ним рано вести. Поэтому я решил написать книгу. Когда внук подрастет, может быть, ему станет интересно, чем занимался дедушка.

Хочу передать Саше, да и всем заинтересованным людям, опыт, накопленный более чем за 70 лет моей жизни. Опыт, который позволил добиться успеха и – самое главное – остаться при этом счастливым человеком.

Я пять раз женился, причем на двух женщинах по два раза. У меня трое детей от трех разных жен, и двое из них меня очень радуют. И это тоже счастье. В Советском Союзе я отсидел три года за нелегальное предпринимательство, однако это время стало не только испытанием, но и серьезной школой. Руководить бизнесом, постоянно работать, каждый день сталкиваться с неординарными вызовами – это настоящее счастье. Какие-то задачи решаешь успешно, другие – нет, но живешь, борешься, стараешься выиграть в нашем жестком мире. Все в удовольствие, в радость. Поражение рождает грусть, злость и желание поскорее отыгаться. Бьюсь, побеждаю и снова доволен, спасибо Господу Богу.

Пока все получается. Почти в каждом продуктовом магазине можно встретить глазированные сырки, творог, сметану, йогурты, кефир и другие продукты под нашими марками «Б. Ю. Александров», «Ростагроэкспорт», «Ностальгия», «Крепыш», «Вкусный день»... Это ли не воплощение счастья для

предпринимателя?

Игра в футбол для меня тоже счастье. До сих пор играем и, как правило, побеждаем более молодых, несмотря на то что средний возраст нашей команды сильно превышает 60 лет.

Считаю, человек рожден для счастья, только все мы понимаем его по-разному. Мне кажется, если в старости есть силы и возможности осуществлять задуманное – это и есть удавшаяся жизнь.

В детстве я жил в стране, воспитавшей нас преданными гражданами. Хоть я и превратился в капиталиста, но уверен, что в нашем социалистическом прошлом много хорошего.

Меня воспитывали любящие родители и романтические книги, такие как «Три мушкетера», «Тимур и его команда», «Алые паруса». А в этой книге я хочу рассказать, что есть правила, позволяющие человеку жить счастливым. Например, ты чувствуешь себя прекрасно, если людям рядом с тобой хорошо. И мне удалось сохранить товарищей, которых знаю по 45–50 лет.

Я старался, чтобы у женщин тоже оставались обо мне приятные воспоминания. Они видели, что всегда для меня на первом месте, и, наверное, ценили это. Меня всегда окружали потрясающие дамы, которых я любил, а они отвечали взаимностью.

Наконец, в последние годы я трижды должен был погибнуть, но Господь миловал. Видать, не все еще в этом мире сделал.

После одной из поездок у меня воспалилась вена на ноге, образовался тромб. Однажды в самолете он оторвался, дошел до легочной артерии и застрял на бифуркации[1 - Место деления брюшной аорты на две общие подвздошные артерии. Прим. ред.]. Меня тут же отправили в Мюнхен, растворили тромб, и я остался жив. Мой друг, профессор Юрий Александрович Изачик, за всю свою почти 50-летнюю практику видел подобные случаи только четыре раза.

Второй случай произошел на французском острове Корсика. Я поехал туда худеть: много ходил по острову, тягал камни, ночевал в разных гостиницах, а иногда и под открытым небом. Вдруг почувствовал слабость, как будто

простудился. Я стал замерзать. На улице солнце, а мне холодно. Решил погреться в ванне в гостинице. Вроде согрелся, хочу вылезти из ванны – не могу, сил нет. Спустил из ванны воду, перевалился через край, упал на пол, дополз до телефона и позвонил Юрию Александровичу в Америку. Он тут же прилетел. Оказалось, что перестал правильно работать синусовый узел: пульс упал до 29 ударов в минуту. Юрий Александрович позвонил в клинику Баварского медицинского института, мне поставили пейсмейкер, три стента в артериях сердца и один стент в эпигастральной артерии[2 - Пейсмейкер – прибор, анализирующий работу сердца и при необходимости посылающий регулярные электрические импульсы для коррекции нарушения собственного ритма сердца. Стент – упругая конструкция, обеспечивающая необходимое расширение участка сосудов или органов. Эпигастральная (область, артерия) – находящаяся в подреберной части живота. Прим. ред.]

Уже несколько лет у меня рак лимфатических узлов четвертой стадии. Но мне повезло: ученые научились приостанавливать такую форму рака и добиваться стойкой ремиссии. По образованию я врач и понимаю: когда у тебя обнаруживают столь тяжелую болезнь и потом вдруг выясняется, что с ней можно бороться, это уже счастье. Правильно? Значит, жизнь дала тебе еще какое-то количество лет.

Так что, как ни крути, я удачливый человек. И в книге расскажу об авантюрных поступках и глупых ошибках, о правилах бизнеса и жизненных истинах.

Саша, я буду рад, если мой опыт позволит тебе сделать свою жизнь богаче и интереснее, а бизнес – увлекательным и прибыльным, каким он и должен быть.

Глава 1. Дела японские

Что африканцы и японцы воровали на советских кораблях

Какую психологическую уловку применяют таможенники

Как официантка из Ванина спасла меня от тюрьмы

Случай, произошедший в жаркий июльский полдень 1975 года, запомнился мне на всю жизнь. Тогда мне было 28 лет, и я служил врачом на судне, возившем лес в Японию. По прибытии в порт мы, как обычно, сошли на берег группами по три-пять человек. Жесткие советские правила обязывали нас надевать парадную форму: полушерстяные брюки, куртку, нейлоновую рубашку с галстуком, фуражку и ботинки на микропоре. А на улице жара 35 градусов, японцы вокруг бегают в шлепанцах, шортиках и маечках. Естественно, местные нас сразу примечали.

Мы шли вдоль портовой улицы, где располагались магазинчики. У японцев, как правило, так: стоит дом, спереди магазин, а сзади живет семья хозяина. Когда заходишь в магазин, звенит звонок, и к тебе выходит продавец.

В одной из витрин стояла мечта любого сахалинского моряка – черные остроносые ботинки на небольшом каблучке с яркой подкладкой внутри – самый шик по тем временам. Мы всегда помнили, что девчонки любят нас хорошо одетыми, поэтому в предвкушении зашли в магазин. Раздался звонок, откуда-то сверху спустился хозяин и, бросив на нас взгляд, объявил: «Нет-нет-нет! Вы русские, у вас никогда нет денег, идите! Нельзя, нельзя!» Так нас и вытурил. Мы опешили, я промолчал, хотя и мог изъясняться по-японски.

Шок. Нас, представителей великой страны, победившей милитаристскую Японию в 1945 году, какой-то япошка выставляет из магазина! Испытав и личное унижение, и обиду за отечество, я твердо решил: «Когда-нибудь разбогатею, куплю твой магазин, а самого выгоню».

Обидел меня тот японец страшно, но я должен его отблагодарить. Неприятный случай мотивировал меня к предпринимательству. Не зря говорят: «Мудрость – хорошо залеченная рана». Так и здесь. Обида, унижение человеческого достоинства заставляют делать то, что повышает самооценку.

Мы с коллегами начали думать: что делать? Середина 1970-х годов – брежневское время, названное позже эпохой застоя. Работая в Сахалинском морском пароходстве, я получал 180 рублей в месяц. Деньги нормальные, но квартиры нет, перспектив тоже. Надо как-то зарабатывать, но любые намеки на бизнес запрещены. Нас, моряков заграничавания, к тому же особо контролировали таможенники и пограничники. Не разбежишься.

И тут снова «помогли» японцы. В тот раз мы зашли в порт с грузом металлолома. Пришвартовались, открыли трюмы, разгрузку запланировав на утро. Мой товарищ, второй штурман Володя, стоял на вахте. Он заскучал и позвал меня наверх: «Борь, поднимись, поболтаем».

Вдруг видим: два японца промелькнули вдоль борта и нырнули в открытый трюм с металлоломом. Стали наблюдать. Минут через пятнадцать они вышли, а под рубашкой что-то оттопыривается. Я говорю: «Вовка, смотри, похоже, они что-то украли». Вовка дает команду вахтенному матросу задержать воров. Я стал допрашивать их по-японски, мол, сейчас сдадим вас в полицию. С испугу они сразу все выложили: оказывается, лазили в трюм, сматывали медную проволоку со старых электродвигателей, чтобы сдать в пункт приема металлов. Для нас это стало открытием. У нас же цветного металла завались! Мы вспомнили, что в Хабаровском крае, в городе Ванино, на свалке десятилетиями копились списанные моторы, бронзовые якоря и винты. Тех запасов лет на сто хватило бы сдавать металлолом.

Мы узнали адрес приемного пункта, отпустили японцев с миром и на следующее утро пошли на разведку. Выяснилось, что в особом почете там медь и бронза, и килограмм меди стоит один доллар. У нас загорелись глаза. Для сравнения: в рейсах мы в день получали один золотой рубль, то есть тот же один доллар. Если рейс длился больше десяти дней, нам платили 10 долларов – неплохая прибавка к рублевой зарплате. Эх, теперь заживем!

Бронза всегда использовалась на кораблях. Вдоль бортов находятся танки – емкости для воды и топлива. Чтобы измерять уровень в танках, наверху расположены отверстия, в них спускается веревка с грузом, и по тому, как намочла веревка, определяют, сколько осталось топлива. Чтобы отверстия не ржавели, их закручивают здоровенными бронзовыми болтами. Болты, кстати, часто воровали у нас на судне, когда мы ходили в Африку. Местные ловкачи скручивали их прямо пятками.

И мы устроили такой бизнес: во время стоянки в Ванине под предлогом того, что нам необходимы бронзовые болты (а они нам действительно были нужны), посылали мотористов на свалку отпиливать куски винтов. Руководил операцией мой товарищ Серега, старший механик.

В японском порту укладывали 15–20 килограммов отпиленной бронзы в обыкновенные сумки, шли в приемный пункт и благополучно получали свои

15–20 долларов. На 15 долларов мы могли купить пять пар джинсов по три доллара, а в Ванине они уже стоили 150–200 рублей.

Мы стали наваривать до тысячи рублей за рейс. Поскольку в месяц делали примерно три рейса, получалось порядка 3000 рублей. Столько обычный советский человек зарабатывал года за два-три.

В общем, громадные деньги пошли, но скопить на будущее не получалось. Ведь моряки – особая специальность. Во все времена на этой работе задерживались люди своеобразного склада, такие «гуляй, Вася, жуй опилки». При всей строгости морских законов очень вольные люди.

Если долго не сходил на берег, имеешь право оторваться. На берегу тебя должны обожать, нужно всем показать свою значимость. А для этого требуются деньги! Честно говоря, не встречал среди сахалинских моряков тех, кто экономил. В море остаются только широкие люди, окруженные романтическим ореолом. Недаром про нас пели:

Моряк вразвалочку сошел на берег,

Как будто он открыл пятьсот Америк,

Ну, не пятьсот, так пять по крайней мере.

И все на свете острова он знал как дважды два.

И пусть проплавал он всего неделю

И юнгой числился на самом деле,

Девчонки ахали и вслед глядели,

Всегда нам кто-то смотрит вслед

В семнадцать лет.

Слова Эдуарда Хиля

Самые большие деньги зарабатывали китобои. Ох, они и выпендривались! Берёт, например, такой моряк сразу три такси: в переднем у него шляпа, во втором тросточка, а в третьем – он сам. И все знают, что едет гарпунер китобойной флотилии «Слава». Покуролесил, нашел девушку, закружились они и все деньги

спустили. А потом гарпунер одалживает до аванса.

В отпуск с Сахалина мы уезжали один раз в два-три года, и длился отпуск вместе с выходными четыре-пять месяцев. Первым делом даришь подарки близким, разные дефициты – икру, красную рыбу. Маме и папе – персональные гостинцы. А потом гульбанишь по ресторанам. Через несколько недель деньги подходят к концу. С этого момента начинаешь жить скромно, как все, ходишь уже не в рестораны, а в театр или кино. Отпуск заканчивается, и ты снова отправляешься на Сахалин, на родной корабль «Антон Буюклы» – за деньгами.

Ближе к концу службы я нашел второй вариант заработка, еще более выгодный, чем торговля джинсами. Однажды разговорился с двумя японскими студентами, работавшими в магазине, где продавались ковры. В СССР один ковер стоил 1500 рублей, а в Японии – 20 долларов. А в этом магазине я вдруг увидел, что точно такие же продаются по 5 долларов.

В чем дело, почему такие дешевые? Оказалось, бракованные. Японцы объяснили: когда ткут ковер, используют бобины с нитками. Автоматы постепенно раскручивают бобины и ткут рисунок. Но в какой-то момент нитки заканчиваются, и катушку нужно поменять. Замена длится несколько секунд, в течение которых данный цвет не используется, поэтому ковер считается бракованным. Обычный человек ничего не заметит: подумаешь, в каком-то малюсеньком фрагменте нет, допустим, зеленого. Но по жестким японским стандартам – не положено. Такие ковры продавались по дешевке.

Мы недолго думая набрали этих ковров, и началась в моей жизни ковровая эпопея: отпиливаешь бронзу, сдаешь в металлолом, покупаешь ковров и получаешь за один рейс 3000 рублей. Конечно, денег – лом. Город небольшой, а тут мы с товарищами стали привозить по 10–20 ковров, чем и вызвали понятное подозрение у КГБ, плотно севшего нам на хвост.

В тот период я стал встречаться с Таней Кокотой, красивой официанткой из Ванина. Мы с ней договорились: если она заметит что-то нехорошее, пока я в море, то предупредит телеграммой. Даже придумали пароль. Если в телеграмме есть слова «Привет от Феликса», значит, в порту опасность.

И вот в ночи мы подходим к Ванину, а в тайничке в каптерке спрятаны 20 ковров. И вдруг телеграмма: «Привет от Феликса». Ну все, думаю, приплыли,

от товара надо избавляться.

До сих пор перед глазами картина: горят прожектора, за судном остается след, а мы кидаем в воду ковры: красные, зеленые, желтые. Ковры в полете разворачиваются и над светящейся бурлящей водой летят, как птицы. А мы стоим и буквально плачем: улетели 20 ковров, аж на 30 тысяч рублей! Шесть автомобилей «Жигули» упорхнули в Японское море.

В порту нас ждала проверка. Таможенники старательно все перерыли, особенно у меня и еще одного товарища, с которым мы вместе дела проворачивали. Обычно таможня смотрела чисто символически, а тут везде залезли, вплоть до унитаза. Даже таблетки у меня все пересчитали.

У товарища оказался один ковер. Сначала таможенники обрадовались, но он объяснил, что купил его для себя еще в прошлый рейс и по закону задекларировал. Не за что зацепиться. Обыск в итоге закончился, и они ушли. Чтобы потом вернуться.

Таможенники рассуждают так: если даже при обыске ничего не нашли, есть вероятность, что после их ухода подозреваемые начнут вынимать все из тайников. Такое действительно бывает, так как срабатывает психологический фактор: мол, уже не вернуться, можно расслабиться. Таможенники нагрянули через час, все перерыли, но снова ничего не обнаружили.

Откуда Таня узнала о грядущей проверке? В ресторан, где она работала, оказывается, пришел заместитель начальника местного КГБ, парень лет тридцати пяти, и стал с ней знакомиться. Таня ему отказала, а он и брякнул от обиды: мол, ничего, завтра мы с твоим Борькой разберемся.

После того случая стало понятно: взялись за нас капитально, не отстанут. Город-то маленький, легко проследить «ковровый путь». Я решил, что пора увольняться и уезжать из Ванина. К тому же вскоре в Москве заболел папа, Юрий Алексеевич.

Я уволился по семейным обстоятельствам, и мы с Таней переехали в Москву, где 16 мая 1982 года появилась на свет наша дочка Наташа. Таня стала уже третьей моей женой, а Наташа – третьим ребенком, но об этом позже.

Глава 2. Конкурент «Кристалла»

Как работал «колбасный обмен» в эпоху развитого социализма

Почему меня зацепили слова, сказанные моей жене соседом, работавшим в автосервисе

Как мне удалось зарабатывать по 80 рублей в день в Советском Союзе

В начале 80-х я вернулся в столицу и остался без прописки. Родители поменяли двухкомнатную квартиру в Балашихе на две комнаты в пятикомнатной квартире на Малой Тульской улице. Мама с папой работали врачами в управлении хозрасчетных учреждений, и каждый день ездить в Москву и обратно было очень тяжело.

Но и с соседями жить оказалось несладко. Родители долгое время делили быт с семейной парой геологов. Когда те приглашали гостей, жена геолога готовила аппетитного гуся или индюка и ставила его на стол целиком, не разрезая. Люди в нарядных платьях и костюмах то ли стеснялись, то ли не хотели пачкаться, и птица так и оставалась целой, а хозяйка на кухне рассказывала потом, какая она умная. Думаю, моей хлебосольной маме эти люди не очень нравились.

Конечно, родители мечтали получить отдельную квартиру, но в то время поменять на нее две комнаты в пятикомнатной можно было только при таком условии: сколько человек выехало, столько должно и въехать в новое жилье.

А числились там только мама, папа и брат. Я выписался из домовой книги, когда уехал работать на Сахалин, но имел право по приезде снова прописаться. Каким-то образом отец взял справку из ЖЭКа, что на занимаемой моими родственниками площади прописаны только три человека. Я думаю, он уговорил паспортистку не указывать, что я выписался на Сахалин, и она согласилась. После этого удалось поменять две комнаты в коммуналке на отдельную «двушку» – вероятно, с доплатой. И когда я вернулся в Москву, меня не прописали в новой квартире, ведь я не значился в ордере. Можно было пойти в паспортный стол и пытаться что-то доказать, но это могло навредить отцу – ведь

он, по сути, пошел на обман.

В Советском Союзе на работу принимали только с пропиской, а мне надо было как-то кормить семью. И я, дипломированный врач, вынужденно полгода разгружал вагоны на товарных станциях.

Потом мы сняли однокомнатную квартиру у друзей отца. Там до нас жила сумасшедшая женщина, которая не убирала, наверное, лет десять, а клопов выводила оригинальным способом: когда они забивались под обои, заклеивала стену газеткой и поджигала ее.

Мы сделали косметический ремонт, как смогли отмыли квартиру от вековой грязи. Помню, когда чистил трубы, не мог даже проткнуть пространство между ними: все слиплось из-за пыли и жира. Даже у вычищенной квартиры вид был убогий.

Позже мне удалось поступить на работу в контору механизированной уборки Железнодорожного района. Начальником конторы был бывший полковник сухопутных войск. С утра до вечера он ухаживал за «Волгой», купленной по дешевке во время службы в Польше: все днище сделал из титана, а капот покрыл антикоррозийкой так, что тот перестал закрываться.

В конторе механизированной уборки числилось сто машин, из них порядка восьмидесяти не работали. Срок списания автомобилей составлял десять лет, но они сгнивали за год-два: при уборке снега нижние части разъедала соль, которой посыпали улицы. Сгнившие машины бросали у забора.

Передо мной поставили задачу – восстановить парк. При этом в машинах я ничего не понимал. Но однажды в бензобак моих «Жигулей» засыпали песок, после чего пришлось разобраться, как работает механизм. А здесь требовалось сделать так, чтобы изношенные моторы стали исправными, и тут мне помогла система, при которой все было в дефиците.

Советские магазины работали по такой схеме: директор точки приобретал дефицит и торговал им уже не по государственной, а по рыночной цене. Директор магазина, находившегося рядом с конторой, однажды попросил у меня транспорт, чтобы возить дефицитный товар с базы. Я предложил ему ремонтную машину – она представляла собой будку с тисками и другим оборудованием. Мы

снимали тиски, он ехал на базу, загружал в машину 500 килограммов колбасы и отвозил в магазин. В благодарность мне полагалось пять палок колбасы. Одну я отдавал начальнику, вторую оставлял себе, а три служили расходным материалом: очередь на капитальный ремонт двигателя на заводе стояла на год вперед, но колбаса творила чудеса.

Я ехал на завод, шел в отдел сбыта, дарил сотруднице палку колбасы и просил отремонтировать двигатель. Девушка, в свою очередь, шла к ремонтникам и уговаривала их в обеденный перерыв без очереди перебрать мотор. Разумеется, ремонтники просто так ничего не делали. Им тоже полагалось по палке колбасы. Натуральный обмен.

Если у нас не хватало шин, я загружал машину изношенными покрышками и ехал на Чеховский завод регенерации шин. Директору по снабжению или сбыту вручал колбасу или конфеты, а он взамен разрешал пользоваться станками для регенерации. И мы с водителем целый день таскали шины от станка к станку. Один станок срезает у шины ребристость. Второй облепляет шину новой резиной и вулканизирует. На третьем снимается подтек. Так мы обули все машины новой резиной.

На работе я подружился с Феликсом, греком из Грузии, – там есть несколько греческих сел, например Цалка. В советские времена греки оформляли в селах на работу свои семьи и получали за всех зарплату. В сельской местности тратить деньги не на что, поэтому они приезжали в Москву отовариваться. У Феликса всегда имелись в наличии кроссовки, джинсы, рубашки, и он своим грекам продавал их по тройной цене. Тем и жил, а в конторе числился на небольшой зарплате.

Моя бурная деятельность привела к тому, что 90 машин заработали и только десять нужно было списать. Но и для этого требовался подход к людям. Списывать машины мы с Феликсом поехали в контору на Сухаревской площади, где начинается проспект Мира. Все было в порядке, но оказалось необходимо одобрение заведующей отделом. А она намекнула: мол, неплохо бы сходить в ресторан. Ну какие проблемы? Взяла она симпатичную подружку, и мы отправились в армянский ресторан, поужинали и потанцевали. Подруга потом ушла, а мы остались втроем с заведующей, полной и конопатой женщиной. А она вроде как хотела продолжения... Решили тянуть жребий, и мне повезло. Не знаю, как там Феликс с ней разбирался, но машины нам списали.

Наша уборочная контора считалась передовой: два или три года она получала переходящее красное знамя. Правда, на зарплате это не отражалось.

* * *

Однажды к моей жене Тане зашел сосед, работавший в автосервисе, и зачем-то сказал, что, мол, она такая красивая женщина, а живет в неприкрытой убогости. Меня, честно признаться, разговор сильно зацепил. Голова начала напряженно работать: как выйти из унижительного положения?

Я прокручивал самые разные варианты и вспомнил, как, будучи студентом (кажется, в 1968 году), устроился подрабатывать грузчиком на водочный завод «Кристалл». Платили вполне прилично – 8 рублей за 8 часов работы. Неплохая добавка, учитывая то, что стипендия составляла 26 рублей в месяц.

Со всех складов в один цех по транспортерам спускалась водка разных сортов. Из цеха на улицу выходили десять окон, и через них мы загружали машины, которые разъезжались по магазинам. У окон разрешалось работать только грузчицам-женщинам. Мужчины же работали в цеху, подавали тяжелые ящики с водкой к окнам. Как правило, долго там грузчики не задерживались. Почти все, за исключением женщин, спивались буквально за пару-тройку лет. И немудрено: водку внутри цеха можно было пить неограниченно, кроме продукции из ценных сортов пшеницы. Такая водка называлась «Посольская». Но все, конечно, пили только ее.

Я тогда предпочитал вино и наливки. На заводе производили два сорта наливок – вишневую и сливовую, обе очень сладкие: 16 процентов сахара, если не ошибаюсь. Берешь бутылку, батон – и вот тебе питание на всю смену. Пьешь по глотку или по два в несколько приемов и за смену бутылку приговариваешь. Наливка имела и эстетический смысл: после нее потеть начинаешь с запахом вишни или сливы.

Мужики в основном пили водку, принося на закуску бутерброды. К середине смены почти все были пьяны. Бригадир стоял у пускового устройства, и когда на конвейере застревали ящики, ему кричали: стоп! И тогда, закрыв один глаз рукой, чтобы не двоилось, он нажимал на устройстве красную кнопку. После разбора застрявших ящиков он снова закрывал один глаз рукой, жал на черную кнопку – и конвейер приходил в движение.

При выходе из цеха нас обыскивала гренадерского роста баба Маня. Причем проверяла тщательно – все вплоть до шапки и штанов. Затем, когда мы шли через проходную, нас там иногда обыскивали вторично.

Конечно, всем хотелось взять водку с собой – либо выпить, либо сдать в соседнем магазинчике, где продавцы принимали ее за полцены. Это, естественно, запрещалось, и работники рисковали попасть в тюрьму за «хищение социалистической собственности».

Когда на конвейере застревали ящики, часть бутылок разбивалась. Содержимое вытекало на пол, а осколки и горлышки мы в конце смены собирали в большой железный ящик, после чего уносили его во двор и высыпали бой в контейнер. И мы придумали прятать в ящик с битым стеклом от трех до пяти целых бутылок, предварительно завернув их в бумагу. Баба Маня предусмотрительно протыкала бой железным стержнем. Но проткнуть груды прессованного стекла было очень трудно, и делала она это символически. Втыкала штык на 10–15 сантиметров, а ящик был глубиной в полметра.

Поскольку никто из пьяных грузчиков ящики со стеклом выносить не хотел, взялись мы с напарником. Таким образом мы проносили водку мимо бдительного ока бабы Мани, высыпали все в мусорный контейнер, а затем доставали целехонькие бутылки «Посольской».

Но на пути была еще одна проходная... Сначала, зимой, мы бросали украденные бутылки через забор, но они часто бились, не попадая в сугроб. А потом я придумал более эффективный способ, почти без потерь. На завод подавали вагоны с сырьем, а железнодорожные пути проходили под запасными воротами. Ворота открывали только во время захода вагонов, а охраны никакой, по сути, не было. Я брал пять бутылок и между рельсов по льду толкал их через забор, а затем забирал снаружи. С каждой бутылки зарабатывал по два рубля. Десятка – весомая добавка к восьми рублям, получаемым официально.

Я часто обходил завод: наблюдал, как работает производство, расспрашивал друзей из других цехов – и в итоге узнал подробности процесса очищения спирта и получения водки.

Любая хорошая водка делается из хорошей воды и хорошего спирта. Для очистки эта смесь должна пройти восемь метров активированного угля, где

оседают вредные сивушные масла. После этого можно делать разные сорта с помощью добавок: капля лимонного сока – получится лимонная водка, капля перца – перцовка.

Я понял, что сам смогу делать водку, которая ничем не будет отличаться от промышленной. В магазине я присмотрел очиститель воды «Родничок» – такие раньше использовались в квартирах и на дачах. Держатель трубки надевался на водопроводный кран, вода проходила активированный уголь и выходила очищенной через кран «Родничка».

В конторе механизированной уборки соорудил самогонный аппарат, купил спиртомер и стал гнать спирт из сахара, очищая его «Родничком». Прогонял смесь много раз, чтобы она в итоге проходила, как положено, восемь метров активированного угля. Самым сложным было сделать такую крышечку, чтобы на вид бутылка не отличалась от фабричной. Я заказал одному мастеру машинку для закатывания крышек – похожие штуки использовали для консервирования, они продавались в магазинах, только мне требовался размер поменьше.

Крышки я брал на свалке, куда возили бой с «Кристалла». Там лежали горы битых бутылок, предназначенных для переплавки на стекольном заводе. Надо было найти крышки, аккуратно их распрямить, помыть и закрутить снова уже на готовых бутылках.

Экономика проекта была простая. Из одного килограмма сахара получался литр 80-градусного спирта, которого хватало на четыре бутылки водки. Килограмм сахара стоил 90 копеек. Пустые водочные бутылки я покупал у продавщицы в магазине по 20 копеек; официально их в то время принимали по 12 копеек. В тот же магазин сдавал готовую водку по 2 рубля 87 копеек. Магазин продавал ее в розницу по государственной цене – 3 рубля 87 копеек.

Я по профессии врач, и знания по химии у меня основательные, поэтому водка совсем не отличалась от «кристалловской». А поскольку она, как и многие товары, была в страшном дефиците, то в магазине не залеживалась: мужики вламывались, как только поступала партия, и все сметали. В день я делал по два ящика (40 бутылок). Каждая бутылка давала прибыль в районе двух рублей, и я стал зарабатывать по 80 рублей в день, или 2400 рублей в месяц. Для сравнения: машина «Жигули» в то время стоила на черном рынке пять тысяч рублей, а обычная зарплата советского гражданина составляла рублей 100–120 в месяц.

Жизнь наладилась. Мы оделись, обулись, стали хорошо питаться, купили автомобиль. Моя бдительность крепко спала. Даже тогда, когда я ездил на базу собирать отбитые горлышки с крышками и пару раз заметил стоящую невдалеке милицейскую машину. По неопытности я не обратил на нее внимания.

* * *

В тот зимний день 1982 года я, как обычно, поехал в магазин с водкой собственного производства. Магазин находился с левого торца дома, и я всегда подъезжал прямо туда. Но навалило снега, дорогу перегородила уборочная машина, пришлось подрулить с другой стороны.

Вытащив из машины две сумки с водкой, я через заднюю дверь зашел в магазин, поставил бутылки в ящики, получил деньги, вышел на улицу, сел в машину и тронулся. Тут милицейская машина, замаскированная под обычную гражданскую, резко перегородила мне дорогу. Ко мне приблизились оперативники в штатском, один из них залез в салон и надел на меня холодные железные наручники.

Меня пересадили в милицейскую машину и привезли в кабинет начальника ОБХСС[3 - Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности. Прим. ред.] Железнодорожного района Москвы. Отчетливо помню, что на стене у него висел план по числу людей, которых следовало посадить по разным статьям Уголовного кодекса.

Я сразу решил идти «в отказ». С поличным меня не взяли, а две сумки и 100 рублей – это не прямые улики.

Стали допрашивать.

– В магазине были, водку привозили?

– Нет.

– А что делали рядом с магазином?

– Просто проезжал мимо, ни в какой магазин не заходил.

- А откуда деньги?

- Это мои деньги, зарплата.

После неприятного допроса меня отвезли в камеру предварительного заключения. Подсадили подозрительного человека, пытавшегося меня разговорить, но не вышло: я был настороже и ничего лишнего не сболтнул.

В КПЗ я провел трое суток (по закону больше держать нельзя), и все время мы играли в карты, в дурака. Делать-то нечего, даже читать не дают. У соседа оказались спички, мы от газеты оторвали краешки и жжеными спичками разметили карты.

Пока меня арестовывали, открылись двери магазина после обеденного перерыва, народ ломанулся и раскупил почти всю водку. Остались только две бутылки - их успели закупить оперативники.

И все могло сойти с рук, но не повезло. Когда оперативники пришли в магазин, они поймали продавцов, что называется, на месте преступления: те переклеивали этикетки на вине. Вино продавалось в одинаковых бутылках, но дешевое стоило 1 рубль 12 копеек, а дорогое - 1 рубль 80 копеек. Они срывали этикетки с дорогого вина и приклеивали их на дешевое, «намывая» на каждой бутылке почти по 70 копеек. Когда зашли сотрудники ОБХСС, этикетки как раз отмачивались в тазике.

Под арест попали три продавца, заведующая магазином и уборщица. Продавцы пытались выкрутиться, но их припугнули:

- Мы знаем, что Александров возит вам водку. Вы нам не нужны. Дайте на него показания, и мы вас отпустим.

Первые показания о том, что я приходил с водкой, дала уборщица, и ее отпустили. Продавцы, узнав про это, тоже сразу меня сдали, рассчитывая на освобождение. Но их так и не выпустили.

Обвинение мне предъявили по статье 154 - «Частнопредпринимательская деятельность и коммерческое посредничество». Уголовный кодекс гласил:

«Частнопредпринимательская деятельность с использованием государственных, кооперативных или иных общественных форм наказывается лишением свободы на срок до пяти лет с конфискацией имущества или ссылкой на срок до пяти лет с конфискацией имущества.

Коммерческое посредничество, осуществляемое частными лицами в виде промысла или в целях обогащения, наказывается лишением свободы на срок до трех лет с конфискацией имущества или ссылкой на срок до трех лет с конфискацией имущества».

В начале 80-х государство усилило борьбу против «нетрудовых доходов» и «хищений социалистической собственности», так как это явление стало повсеместным. Директора и продавцы магазинов спекулировали дефицитом, моряки привозили импортные вещи из-за границы, в хороший ресторан проникали за взятку и так далее. Так что я просто попал в общую тенденцию, а встречались и очень громкие дела.

Расскажу о нашумевшем «деле Трегубова». Коррупционные дела в торговле тогда связывали со внутренней борьбой внутри КПСС, и на рубеже 80-х произошло немало такого рода скандалов. Леонид Брежнев руководил страной с 1964 года, и в начале 80-х его здоровье стало совсем слабым. Первым секретарем Московского городского комитета КПСС с 1967 года работал Виктор Гришин, и он всегда рассматривался как кандидат на пост генерального секретаря партии. Еще до смерти Брежнева Юрий Андропов, возглавлявший КГБ, начал «копать» под московскую торговлю, подчинявшуюся Гришину. Начальником Главторга Мосгорисполкома работал Николай Трегубов, и на него стали искать компромат. Хотели доказать, что Трегубов дает взятки Гришину.

Первыми громкими арестантами стали директор магазина «Березка» Авилов и его жена, работавшая заместителем директора магазина гастронома № 1 «Елисейский». Затем, 30 октября 1982 года, арестовали директора «Елисейского» Юрия Соколова. Это произошло еще до смерти Брежнева (он умер 10 ноября 1982 года). Когда же к власти пришел Андропов, начались настоящие торговые репрессии.

Только в Москве к уголовной ответственности привлекли 15 тысяч человек. Двух даже приговорили к высшей мере – расстрелу.

В 1984 году, уже после смерти Андропова, расстреляли Юрия Соколова, а в 1985 году – директора плодоовощной базы Мхитара Амбарцумяна. Не дожидаясь ареста, покончил с собой директор гастронома № 2 на Смоленской площади Сергей Нониев. Трегубов получил 15 лет, директор гастронома ГУМа Тверитинов – 10 лет, директор гастронома «Новоарбатский» Филиппов – 11 лет, заместитель Соколова, Немцев, – 14 лет, директор Куйбышевского райпищеторга Байгельман – 8 лет, и этот список можно продолжать. Я лично сидел с тремя директорами гастрономов и даже с заместителем Трегубова по капитальному строительству. Тому заместителю дали 10 лет, его звали Олегом, фамилию забыл.

Чтобы вывести на чистую воду высокопоставленных деятелей торговли, выстроили целую пирамиду. Со мной сидел сотрудник мясного отдела магазина «Спутник», что был на площади Гагарина, и он мне рассказал, как работала схема.

Допустим, сотрудники ОБХСС приходят в мясной отдел магазина и начинают обрабатывать продавца:

– У вас работают шесть грузчиков. Они утверждают, что вы им выдаете каждый день по рублю на обед, – получается 180 рублей в месяц. Где вы берете деньги, если у вас зарплата 120 рублей?

Тот не может ничего ответить, ему быстренько предъявляют обвинение, но уточняют, что он сам оперативникам не особенно нужен, требуются показания на директора магазина. Если человек соглашается и дает показания, прямиком идут к директору магазина и вынуждают дать показания уже на руководителя объединения, например «Диетторга». Потом от руководителя «Диетторга» добиваются показаний на Трегубова, а от того – на Гришина. Вот такая цепочка.

Трегубов, кстати, так ни в чем и не признался, а посадили его – даже смешно – за то, что он принимал в подарок подстаканники. Пятнадцать лет получил за пятнадцать подстаканников...

Отсидел девять лет, а когда вышел, умер от сердечного приступа. А ведь человек достойный, гигант торговли. Он помнил все поезда, все цифры по поставкам продовольствия в Москву. Просто убили его ни за что.

Вся эта кампания в Москве привела к тому, что политические позиции Гришина ослабли. После прихода к власти Горбачева он ушел на пенсию, а вместо него первым секретарем горкома в декабре 1985 года назначили Бориса Ельцина.

Со мной вместе сидел один дядька, работавший директором магазина при Южном порте. Тоже, в общем-то, ни за что.

Магазин торговал в том числе машинами по записи. Желающие приобрести автомобиль годами стояли в очереди. Если в конце месяца случалось, что план не выполняется (и сотрудники, соответственно, не получают премию), принимали решение срочно продать еще две-три машины. Стоящим в очереди рассылали извещения, но они шли очень долго. Поэтому часто извещали людей просто по телефону, те приходили и покупали возжеленные автомобили.

У директора был подчиненный, заведовавший сбытом. Однажды он продал «Москвич» покупателю, а тот в знак благодарности передал через него директору магазина продуктовый заказ стоимостью 23 рубля: палка колбасы, баночка красной икры, зефир и еще что-то. Обыкновенный советский набор.

Потом тот парень аналогичным образом купил «Жигули» и «Волгу» и каждый раз благодарил директора продуктами заказами, просто копеечными по меркам стоимости машин. За это в итоге директору магазина – орденосцу – дали 13 лет.

Еще вспоминается более раннее «дело Рокотова», вызвавшее большой резонанс. Трех осужденных расстреляли за валютные операции, торговлю джинсами и другие сделки, которые теперь полностью законны.

Подробности таковы. В 1960 году КГБ арестовал Яна Рокотова, Владислава Файбишенко и Дмитрия Яковлева. При обыске у них изъяли полтора миллиона долларов США. Суд признал их виновными и дал по восемь лет. Однако тогдашний генеральный секретарь Никита Хрущев настоял на пересмотре приговора. Срок был увеличен до 15 лет, но и этого ему оказалось мало. Издали указ «Об усилении уголовной ответственности за нарушение правил валютных операций», после чего дело пересмотрели снова и теперь уже приговорили Рокотова, Файбишенко и Яковлева к расстрелу. Никакие обращения, кассации и протесты не помогли: жестокий приговор привели в исполнение. Рокотова, кстати, некоторые считают одним из самых талантливых предпринимателей

в СССР.

В 60–70-х годах за экономические преступления расстреливали намного чаще, чем в 80-х, то есть со временем система стала менее «кровожадной», однако за решетку торговые работники и такие незаконные предприниматели, как я, отправлялись регулярно.

Предсказание отца

Только вернувшись в Москву с Сахалина, я искал различные варианты заработка, так как на официальную работу меня не принимали. Побежал к брату, работавшему директором магазина, и выпросил у него 20 палок дефицитной тогда колбасы по государственной цене.

Ночью я садился в машину и объезжал бензоколонки. Женщины, работавшие там, имели на бензине неплохой левый доход, поэтому с удовольствием покупали колбасу по двойной цене.

Опытный папа понимал, что аферы, которыми я занимаюсь, рано или поздно плохо кончатся. Однажды он сказал: «Боря сядет». И оказался прав.

Глава 3. Два года в Бутырке

Как вести себя, когда попадаешь в тюрьму

Что общего между декабристами, народовольцами и советскими спекулянтами

Почему я два года дожидался приговора суда

После трех суток в КПЗ меня перевели в знаменитую Бутырскую тюрьму, в камеру, где до революции сидел Феликс Дзержинский. Странно, но я испытывал

какую-то эйфорию. Во всяком случае, ни минуты не грустил, а, наоборот, находился в приподнятом настроении.

Перед свиданием с матерью и женой попросил сокамерника-армянина разрисовать меня. Прихожу на свидание в телогрейке, снимаю – весь в наколках. Мать и жена – в шоке. Пришлось сразу объяснить, что это такая шутка.

Когда вызывали к следователю (оказалось, моим следователем будет женщина), я ей рассказывал последние камерные анекдоты. Она понимала, что я не дам никаких показаний, но допрос нужно по плану проводить – вот и слушала мои байки.

Необходимых улик для суда явно не хватало. Прибор «Родничок» мог быть дома у каждого. Продавцы из водочного магазина, когда поняли, что их не выпустят, от своих показаний против меня отказались. Анализ водки с контрольной оперативной закупки ничего не дал: она ничем не отличалась от заводской, так как я полностью соблюдал технологию.

Наверное, следователь и судья понимали, что я замешан, но не могли ничего поделаться. Здесь нет обычной человеческой логики: нужно доказать, что человек – преступник. Меня три или четыре раза возили в Железнодорожный суд, но доказательств не хватало. Я стал одним из долгожителей камеры, проведя в ней целых два года.

Камера – помещение примерно в 70 квадратных метров. И там живут 70 человек! По обе стороны стоят шконки – кровати в два яруса. В углу, справа от входа, – туалет, занавешенный простыней. Строгое правило заключается в том, что нельзя ходить в туалет, когда кто-то ест.

В тюрьме, в отличие от зоны, всех кормят одинаково. Сотрудник на тележке развозит еду в больших баках; каждый арестант подходит к окошечку и берет свою порцию. Кормят, конечно, плохо, но острого голода нет. В тюрьме не предусмотрен физический труд, как на зоне: в основном лежишь. Плюс каждый месяц арестант может получать передачу до пяти килограммов. Разрешались, если правильно помню, сахар, хлеб, колбаса, сало, сушки.

Поскольку в камере жарко (около 30 градусов), а холодильника нет, продукты долго не хранились. Поэтому там все жили так называемыми «семьями» по пять-

шесть человек. Когда одному из членов «семьи» приходила посылка, ее делили на всех, в итоге продуктов хватало дней на пять. Потом посылку получал следующий...

У меня в «семье» числились директор гастронома, художник Игорешка, кореец-спекулянт и еще пара человек. Того, кто не получал посылки, все равно принимали в «семью», если он чем-то мог помочь в случае необходимости, например заступиться.

В нашей камере за столом обычно сидели весьма уважаемые люди. Не авторитеты с воровской точки зрения, а самые разумные арестанты. Среди них были и директор магазина, и художник, получивший срок за иконы, и квартирный вор, и я, сидевший за нелегальную водку. Считалось, что этот стол и руководил камерой.

Как-то один вор-малолетка начал протестовать против того, что за столом не воры, а торгаши. Ну, ему быстро объяснили: у нас общий режим, и воровские понятия там не работали. Он примолк, но обиду затаил. И ночью у другого вора шепотом спрашивал: «Ты не знаешь адрес директора магазина, чтобы его квартиру обнести?»

Когда не спится, слышно, что говорят другие. Наркоманы ночь напролет трут про наркотики: «Был я в Чуйской долине, разделся и голым пробежал сквозь коноплю...» Воры – про свое: обсуждают, например, где хорошая хата, которую можно обокрасть, когда на волю выйдут.

Никто не выпытывает, за что сидишь. Это считается в тюрьме неприличным. Если человек хочет, сам расскажет. Я просто сказал: «На меня дали показания, что нелегально делаю водку». С делом ты знакомишься, когда тебя вызывают к следователю, а приговор суда приходит в камеру.

Единственные, кто должны признаться, – те, кто сидят за изнасилование, самое поганое преступление для сидящих в тюрьме. Если ты действительно кого-то изнасиловал, тебя «опускают». Ты становишься «петухом» и должен спать под шконками. Нельзя врать, потому что рано или поздно ложь вскроется.

При мне произошел случай – прямо в камере один вор «опустил» насильника, надругавшегося над совсем маленькой девочкой. Никто его не защищал. Все

готовы были его убить. Таких там не жалеют.

В тюрьме на всех есть улики. Я уверен, что и сейчас в тюрьме 99 процентов людей четко знают, что сидят за нарушение закона. Почти нет в тюрьме тех, кто сидит просто так! В среднем следствие идет два-три месяца, поэтому, по моим подсчетам, за два года в Бутырке через камеру прошли примерно 700 человек. Только двое из них, я считаю, не были виновны.

Один парень сидел по подозрению в изнасиловании. Он вернулся из Афганистана, женился, обзавелся ребенком. Пока жена лежала в роддоме, они с товарищем решили обмыть событие. Купили водку, а девушка товарища пригласила знакомую продавщицу из соседнего универсама на ночь. Парню 25 лет, ей – 36. Зачем на ночь приглашают? Ясное дело, не книги читать. Водку пить и так далее.

Они напились, а наутро она говорит: ты меня изнасиловал. Он в недоумении, не помнит ничего. Она идет в милицию, пацана забирают и сажают за изнасилование. Но в камере люди поверили, что он не настоящий насильник.

Второй случай: парень тоже вернулся из армии, его ждала девушка, они хотели пожениться, а денег нет. И тут бабушка ему дает три царских золотых червонца. А раньше разрешалось их менять только в официальных ювелирных магазинах, где велся прием золотых изделий. Он поддатый с этими монетами встал в очередь. К нему сразу подошли и предложили: «Там стоит десять рублей грамм, продай нам за одиннадцать, и в очереди стоять не надо». Ну, он сдуру взял и продал. А это оказалась подстава. Его тут же за руки, и замаячил срок – от трех до восьми лет.

* * *

В тюрьме я приобрел бесценный опыт, которым хочу поделиться в том числе с начинающими бизнесменами.

Почему молодые ребята идут в чиновники, милицию? Понятно почему – хотят денег. И с кого они хотят? С вас, молодых предпринимателей. Поэтому между вами и властными структурами всегда будет борьба. И вы к ней должны быть готовы. Надо понимать, как себя вести, если вдруг вы где-то нарушили закон. А

в нашей стране все так устроено, что не нарушить, занимаясь чем-то, практически невозможно.

Первое, что я сделал, когда сел в тюрьму, – выучил Уголовный кодекс. Сейчас меня ночью разбудили и спросили, отвечу: статья 102 – «Убийство», статья 144 – «Квартирная кража». Конечно, у Уголовного кодекса уже новая редакция, но суть не изменилась.

Как себя вести предпринимателю, если он вдруг соприкасается с правоохранительными органами? Первая заповедь очень простая. По поводу нее расскажу анекдот. Приезжают новобранцы в танковые войска. И командир танка спрашивает:

– Что самое главное в танке, товарищи солдаты?

– Броня, – отвечает первый.

– Неправильно.

– Орудие, – говорит другой.

– Неправильно.

– А что же самое главное в танке, товарищ командир?

– Самое главное в танке – не срать!

Первая заповедь бизнесмена при возникновении любых проблем – не паниковать.

Вторая заповедь – думать. Думать надо вообще всегда. А если вы вдруг сталкиваетесь с серьезной проблемой, то следует молча, повторю, молча анализировать ситуацию.

В Бутырке я прочитал книжку Галины Цуриковой «Сто прапорщиков», про декабристов. И оказалось, что они в какой-то момент струсили. После восстания 1825 года они во всем сознались и сдали не только тех, кто выходил

на Сенатскую площадь, но и других людей, сдавать которых смысла не было.

Почему они так испугались, если тогда заключенных не били, особенно дворян? Просто именно так обычно ведут себя люди в тюрьме. И среди заключенных, сидевших со мной в Бутырке, тоже процентов девяносто сознавались в содеянном. Одна из причин следующая: люди сначала пытались доказать, что не совершали преступления. А потом, придя с допроса, в камере рассказывали, как происходило на самом деле. А в камере всегда есть «подсадные утки». Они опытным следователям дословно и воспроизводили сказанное. А если ты в деталях поведал все сокамернику, считай, что сам себя заложил.

На меня большое впечатление произвел тот факт, что только один декабрист не дал ни на кого показаний. Это Михаил Лунин, вообще не имевший к мятежу отношения. За девять лет до восстания на одной из пьянок с будущими декабристами он просто сказал, что в Царское Село император ездит без большой охраны, поэтому можно в масках напасть на карету и охрану. Сказал, забыл и уехал из страны, больше в планах убийства царя не участвовал.

Более того, потом он стал адъютантом великого князя Константина Павловича, руководившего Варшавским военным округом, а позже отказавшегося от престола в пользу Николая I и ставшего наместником императора в Польше.

Участники декабрьского восстания после ареста сдали Лунина безо всякой необходимости. Царь написал брату в Польшу: давай Лунина под арест и этапом в Москву. Константин испытывал теплые чувства к Лунину и предупредил его: «Слушай, я получил депешу и завтра должен тебя арестовать. Уезжай». Но тот все равно поехал в Россию, что говорило о его порядочности.

В итоге Лунин стал последним арестованным. Царю требовалось показать, что ломаются все, но Лунин не назвал никого, кто обсуждал с ним возможность революции и убийства царя. Все сломались, а он – нет. В итоге его приговорили к пожизненной каторге. После нескольких пересмотров приговора осталось 10 лет каторги и пожизненное поселение в Сибири. В 1841 году Лунина снова посадили за антицарские публикации – в Акатуйский острог, и в 1845 году он там умер; возможно, не без помощи охранки.

Говорят, сам царь Николай допрашивал декабристов. И даже пять главных декабристов, все равно повешенных (Пестель, Рылеев, Каховский, Муравьев-

Апостол и Бестужев-Рюмин), друг друга сдали.

Слаб человек, вот к чему я веду. Варлам Шаламов в «Колымских рассказах» описывает, во что превращается человек, если его не кормить, как слабеет его воля. Но есть и редкие примеры несгибаемости. Например, еврейский диссидент Натан Щаранский, боровшийся за право евреев уезжать из СССР в Израиль. В 1977 году его арестовали за измену родине и антисоветскую агитацию и посадили на 13 лет. Он не признавал обвинения, много раз объявлял голодовку, в том числе один раз не ел аж сто суток, подвергался наказаниям и принудительному кормлению, пока его в 1986 году не обменяли на советских разведчиков, пойманных в США. В Израиле он долгое время был министром и членом кнессета.

В XIX веке не только декабристы, но почти все, кто выступал против царя, позже закладывали своих товарищей и каялись на суде. Достаточно вспомнить суд над петрашевцами в 1849 году или «Процесс 32-х»: в 1860-х годах шел суд над 32 персонами, имевшими связи с Герценом и Огаревым. Иван Тургенев, оказавшийся в числе подсудимых, позже делился впечатлениями: «Я, читая показания и объяснения, часто слышал в них тот “заячий крик”, который так хорошо знаком нам, охотникам». То есть люди трусили и вели себя недостойно.

Учитывая накопленный опыт, в конце XIX века революционеры сформулировали принципы поведения после ареста. В 1878 году тайное общество «Земля и воля» (позже – «Народная воля») записало в свой устав следующий пункт: «Член основного кружка, попавший в руки правительства с явными уликами, должен на предварительном следствии и дознании отказаться от дачи показаний, а на суде руководствоваться интересами дела, а не личными».

Любые показания на следствии все равно использовали против подсудимого, поэтому давать их не имело смысла.

Позже народовольцы дополнили пункт следующими словами: «Всякий член Исполнительного комитета, против которого существуют у правительства неопровержимые улики, обязан отказаться в случае ареста от всяких показаний и ни в каком случае не может назвать себя членом Комитета. Комитет должен быть невидим и недосягаем. Если же неопровержимых улик не существует, то арестованный член может и даже должен отрицать всякую свою связь с Комитетом и постараться выпутаться из дела, чтоб и далее служить целям общества». Это, однако, не спасло организацию от предателя, завербованного

жандармами. Сергей Дегаев выдал властям многих народовольцев, после чего организация ослабла.

Революционеры использовали еще один прием: если тебя арестовали и ты оказался в тюрьме, смирись с тем, что ты отсюда никогда не выйдешь, и тогда тебе значительно проще будет принять ситуацию. Не надо ни оправдываться, ни дергаться. Ты здесь – и все! Ты знаешь, что тебе не вырваться, и это знание – залог правильного поведения. Потому что арестованный человек, думая, как ему выйти, размышляет в том числе и о предательстве.

Позже я, глубже изучив историю, понял, что корень этой идеи – в восточных боевых искусствах. Некоторые мастера практиковали перед боем такой подход: представить, что ты уже мертв. Значит, тебе нет смысла бояться смерти, и тогда ты бьешься изо всех сил, не думаешь о смерти и не боишься погибнуть. Ты полностью занят боем, и это дает возможность его выиграть.

Хотя в сражении возможна и другая стратегия. Как в старом анекдоте. Змей Горыныч деревни разорял и народ обижал. Решили тогда люди позвать Илью Муромца: «Один ты, Илюша, сумеешь с ним справиться. Помоги нам!» Подходит Илья Муромец к пещере, где сидит Змей Горыныч, и кричит: «Выходи, говно зеленое! Выходи, червяк, сейчас порублю!» Тот не выходит. Илья посидел-посидел и ушел. Тут Змей выползает и говорит: «Ну и что, что говно? Ну и что, что зеленое? Зато живой!»

В тюрьме часто люди сами себя сдают. Один из основных приемов, использующихся, чтобы сломать человека, такой: «Ты нам не нужен, нам нужен твой руководитель (или еще кто-то)». И люди начинают рассказывать. Может, одного из десяти и отпустят, а остальных тоже посадят. Потому что если ты один идешь по делу – это часть первая статьи, а если группой – автоматически часть вторая. Часть первая, допустим, от трех до восьми лет, а вторая – от восьми до пятнадцати. Как только ты начинаешь рассказывать, тут же переходишь во вторую часть.

Поэтому не надо сознаваться, паниковать и рассказывать про свое дело в камере: там есть стукачи. И не надо никого сдавать, совершать подлость. У каждого должен быть стержень. Нельзя предавать и продавать. Как только ты продал, ты сам пошел по наклонной. Из людей, обманувших меня, никто не стал успешным.

Что-то ломается внутри человека, совершающего подлость. Какие благородные оправдания ни придумывай, подлость остается подлостью, и особенно плохо, если к ней не принуждали. Когда человека бьют или пытаются, любой может сломаться, в том числе и я. Но если ты сдался до того, как тебя вынудили, значит, ты подлец. А абсолютное большинство именно так и ломается.

От тюрьмы и от сумы не зарекайся. Это советская и российская жизнь.

Еще один совет: надо понимать, что такое воровская каста. Это люди, свое призвание видящие в воровстве. Нас с вами они за людей не считают. Все мы для них – лохи или фраера. Обмануть нас – праздник победы.

Самый первый пример – это Сонька Золотая Ручка, знаменитая преступница XIX века. Она одной рукой подавала милостыню женщине, стоящей на паперти с ребенком, а другой крала у нее все остальное. И очень гордилась тем, что обманула фраера.

Поэтому нельзя ни с кем ссориться, но нужно четко знать, что воры нас, особенно бизнесменов, за людей не считают. Имейте в виду, что мошенники так умеют подойти к человеку, втереться в доверие, что им начинаешь по-настоящему верить. А верить не надо.

Бутырку я вспоминаю с позитивом, так как это время использовал для саморазвития. Во-первых, там я прочитал гигантское количество книг. В тюрьмах хорошие библиотеки из конфиската. Тебе давали списки, и ты заказывал любую книгу (из разрешенных в советское время) и читал, читал, читал. Тебе могли и в посылке прислать, читай – только не ленись. Развиваться можно везде, все зависит от желания человека.

Во-вторых, я изучал психологию разных типов людей: бомжей и наркоманов, воров и спекулянтов. Тюрьма – скопище интересных персонажей: кто-то из них не смирился с обстоятельствами, кто-то оказался слаб. Много сидело бомжей, закончивших по два-три института. Они не выдержали сложностей жизни, но оставались талантливыми, разумными, начитанными людьми. С ними мы часами разговаривали на любые темы. Всех этих персонажей очень любопытно анализировать, на мой взгляд.

Единственное, что в тюрьме сильно напрягает, – отсутствие женщин.

Я ни разу не пожалел, что занялся бизнесом (сначала контрабандой, а потом водкой), из-за чего и попал в тюрьму. Просто по-другому не умею. Моя натура такая, что я всегда должен что-то делать. Я не могу смириться с нищетой, не могу смириться с тем, что дома нечего жрать. А какой был выбор? Мог идти по врачебной линии и стать профессором. К сожалению, для такой карьеры потерял много времени из-за работы в Сахалинском морском пароходстве.

Жена с маленьким ребенком жила у дяди в двухкомнатной квартире, а у него там еще было двое своих детей. Получить квартиру я мог бы через 25 лет в лучшем случае, если встать на очередь. Может предприимчивый человек смириться с таким будущим?

В Бутырке, однако, подобные рассуждения не имели никакого смысла. Так бы я и сидел неизвестно сколько, но в деле появились новые показания. Милиционеры задержали мою жену Таню в момент, когда дочка Наташа болела с температурой 39. Тане сказали, что отпустят к дочке, если она даст показания на меня (мол, я гнал спирт и разливал водку дома), а иначе дочка умрет, так как никто за ней не ухаживает.

Я эти показания увидел позже, когда готовился к суду и читал материалы дела. Сама Таня на свиданиях о них не рассказывала. Пожалуй, первый тяжелый день в моей жизни, очень сильный удар: жена, близкий человек, и вдруг так... Меня предали, причем я старался именно для семьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Место деления брюшной аорты на две общие подвздошные артерии. Прим. ред.

2

Пейсмейкер – прибор, анализирующий работу сердца и при необходимости посылающий регулярные электрические импульсы для коррекции нарушения собственного ритма сердца. Стент – упругая конструкция, обеспечивающая необходимое расширение участка сосудов или органов. Эпигастральная (область, артерия) – находящаяся в подреберной части живота. Прим. ред.

3

Отдел по борьбе с хищениями социалистической собственности. Прим. ред.

Купить: https://tellnovel.com/aleksandrov_boris/syrok-istoriya-moey-zhizni-i-biznesa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)